

Ангелина Северова

**БАСНИ,
СТИХОТВОРЕНИЯ**

Ангелина Северова
Басни, стихотворения

«Эдитус»

2014

Северова А.

Басни, стихотворения / А. Северова — «Эдитус», 2014

Книга содержит ряд стихотворений из раннего творчества автора, а также более тридцати басен о нашей современной действительности. В качестве сюжетов басен выбраны наиболее существенные вопросы из жизни страны и нации, которые неизменно вызывают споры и разногласия в обществе. В их числе: обсуждение национального вопроса, социальной стратификации и расслоения общества, а также вопросов о ювенальной юстиции, о реформе образования, об эвтаназии, о справедливом вознаграждении за труд, о ВТО, о религии и др. Кроме того, ряд басен посвящен общечеловеческим проблемам, таким как отношения в семье и за пределами семьи, отношение к окружающей среде, отношение к другим людям, их ценностям, религиозным воззрениям. Герои басен – лесные и домашние звери, растения, птицы и рыбы, и, совсем в немногих баснях, люди. Во всех баснях автор стремится донести читателю мысль о том, как важно в современной непростой действительности сохранять простые ценности: доброту, терпимое отношение к другим, чувство меры, скромность, уважение интересов большинства в стране. При оформлении обложки использованы фрагменты живописи Л. Кирилловой

© Северова А., 2014

© Эдитус, 2014

Содержание

Часть I	5
1. Величание Святого Георгия	5
2. Явление	6
3. Мать Земли	8
4. Стригла овна молодица	9
5. Рожденье	10
6. Зернышко	11
7. Краски зари	12
8. Вещий сон	13
9. Судьба	14
10. Бедняк, простак	15
11. Дерзаю	16
12. Косарь	17
13. Венера	18
14. Энеева песня	19
15. Солнечный Бог	21
16. Храни, душа моя	22
17. Николаю Чудотворцу	23
18. Блаженной Матери Матроне	24
19. Вечер, медитация	25
20. Разговор с ангелом-хранителем	26
21. Князь и сокол	27
22. Ой, вы, дальние дали...	28
23. Пророчество	29
Часть II	30
1. Волк и Собака	30
2. Рак и Цапля	32
3. Скотинка	35
4. Лис и Заяц	37
5. Соловей и Лебедь	39
6. Рододендрон	42
7. На перепутье	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ангелина Северова

Басни, стихотворения

Часть I

Стихотворения (из раннего творчества автора)

1. Величание Святого Георгия

О, Георгий Победитель,
Славим тя, войниче,
Славим тя, войниче,
По великому величе
Величаем тя.

Ты ли в воздухе воюешь,
Славим тя, войниче,
Славим тя, войниче,
Ты ль свободу нам даруешь,
Величаем тя.

Щит над нами воздвигаешь,
Славим тя, войниче,
Славим тя, войниче,
Змея ко́пием пронзаешь,
Величаем тя.

От врага спаси нас, грешных,
Славим тя, войниче,
Славим тя, войниче,
Да утеши, безутешных,
Величаем тя.

2. Явление

«Тихая, томная,
Дева Небесная,
Птица ли, странница,
В грёзе привиделась?
Ты ли, избранница,
Ты ли, чудесная,
К сердцу приблизилась,
Тихая, скромная?
Вдохом ли, выдохом,
Легкою дремою,
Ты ли в шатре моем
Сень освещаешь?
Светлая, тихая,
Ты, невесомая,
Духом ведомая,
Мужа встречаешь?»

«Я в тишине ночной
Сердцем услышала
Голос твой истовый
С теплой молитвою.
Князь ты мой избранный,
Муж мой пророченный,
Тельницу вышила
Я перед битвою.
В светлой обители
Тельницу вышила
Тонкими нитями
Пряжи кудельной,
Чтоб охранить тебя
Светом Всевышнего:
Будь же невидимым
В бое смертельном».

«О, Легкокрылая,
Тихая, стройная,
Даром ли, дорого
Жизни сокровище?
Будут ли воины —
Братия милые,
Брошены воронам
После побоища?»

«Князь ты мой избранный,
Ты лишь не ранишься,
Целым останешься
В завтрашнем бое.
Враг твой неистовый

Ратью бесчисленной,
Силой немислимой
Братьев поборет».
 «Свет мой полночный,
Дай же мне, ратуя,
С братьями-войнами

Пасть в этой сечи».
 «Муж мой пророченный...
Будь то по-твоему.
Завтра Крылатого
В небе привечу».

3. Мать Земли

Во мгле светающей дали
Простор распахивает крылья,
И мир являет изобилье
Пред тихой Матерью Земли.

И трепет трав, и шепот рощ,
И капли влаги тихоструйной,
И летний дол, цветеньем буйный —
Всю радость жизни, свет и мощь.

Но ты сквозь слёз взираешь, Мать,
С такой любовью смиренной
На мир людской – слепой и бранный,
Что не спешит тебе внимать.

И сокрушаешься, и ждешь
Благого сева пробужденья –
И терпишь наши заблужденья,
Пока на ниве зреет рожь.

Вбирая дум людских струи —
Сияешь озером призывным.
Росой живою, взором дивным
Ослабших духом – напои.

Мы льнем испить твоих даров:
Согрей – тоской отягощенных,
Влеку – тревогою смущенных
Под умиряющий покров.

Утишь, утешь и улегчи
Наш сумрак тяжкий, гнет греховный.
И сонмы душ на Суд Верховный
Призвав – любовью излечи.

4. Стригла овна молодица

Стригла овна молодица
Белобоккого,
Белобоккого.
Отрясала стригальница
Бело облако,
Бело облако.
Поливала то руно
Ручейком-рекой,
Ручейком-рекой,
Промывала волокно
Да молодой рукой,
Молодой рукой.
Невеселая, на овна
Ненаглядного
Все поглядывала.
За работою любовно
Приговаривала,
Да не радовала:
«Уж как я тебя, родимый,
Берегла любя,
Стерегла любя.
Волки стаями бродили
Да вокруг тебя,
Все в обход тебя.
Ты кровинушка моя
Отреченная,
Обреченная.
Ты кручинушка моя
Белооблачно
Облаченная.
По земле тебе гулять,
Одинокому,
Да убогому.
На людей тебе взирать,
Ясноокому,
Ясным богом».
Отпускала молодица
Овна белого,
Непорочного.
На земле ему родиться
Напророчила,
Напророчила...

5. Рожденье

Все замолкло в ожиданье:
Замолчали травы,
Опустили крылья птицы,
Стихли щебетанья.
Солнце огненное ближе,
Льет потоки лавы.
И, закрыв глаза, я вижу
Лики, а не лица.
И под строгим взглядом рая
Сердце сжалось странно...
Дух небесный, плоть земная,
Голос долгожданный.

6. Зернышко

На руках меня качали
Ветры буйные,
многоструйные,
И баюкали ночами
Грозы вешние
да пересветные.
А пришла пора мне выйти
В полюшко
да на волюшку,
Говорил мне старый ветер,
Говаривал,
приговаривал:
Ты, цветы-цветы, травиночка
Тонкая
да звонкая.
Не забудь ты и про батюшку
Старого
да мудрого.
Колосись, ты, мое зернышко,
Колосом
да шелковым.
Возрастай, ты, мое чадушко,
К солнышку

да к яркому.
Как придет пора твоя,
Порушка
да заветная,
Разлетайся по полям
Зерными
многоцветными —
Буду я опять качать
Чадушек
да чадунюшек.
Буду грозами встречать
Да воспитывать
детушек....

7. Краски зари

На молодой заре,
Ясной зореньке
Божья мать спит
В светлом тереме.
Почит она,
Грезит грёзою,
А у ног святых
Злат кувшин налит.
А и тот кувшин,
Мироносица,
Со святой слезой,
Мирным снадобьем.
Да полнешенький,
Не шелохнется,
А сияет в нем
Красно солнышко.
Как приснился сын
Божьей матери,
Да во сне она
Повернулася.
Как упал кувшин,
Мироносица,
У пречистых ног

Опрокинулся.
Пролилась росой
Золота струя,
Полила поля
Да дубравушки.
А от той росы,
Светлой милости,
Расцвела зарей
Роза алая.

8. Вещий сон

Вещий сон свой гляди
И взойди
Линией плавной восхода.
Пламенем вечной души освети
Небо ночное у райского входа
И вернись, низойди.
Как птенцы возвращаются долу:
Чуть поднявшись и неба вдохнув,
Парусами крыла распахнув
И доверив Эолу.
Сил не зная своих, и в воздушной среде
Горизонты свободы еще не измерив,
Возвратись, прикоснувшись к звезде
На заветнейшей двери.
Очи духовные вниз опусти,
И слезами о мире пролейся.
И смейся
Над печалью земного пути.
И грусти.
И мечту возроди,
Вещий сон вспоминая свой утром.
Будь мудрым.
Ожиданье полета до срока расти...

И однажды взлети.

9. Судьба

По степному разнотравью,
По лесному многоцветью
Я иду меж сном и явью —
Всех блаженнее на свете.

Помню, что жила я долго.
И трудилась не впустую:
Всё ночами втихомолку
Ткань плела я непростую.

В ней узорами лучисто,
Что душе всего дороже.
Нитью золота так чисто
Пробивался голос Божий.

Серебром вилась молитва.
Боль на ткань сочилась рдея.
Искупительная битва —
Ты всенощная идея...

Не просила послабления.
Пробиралась по наитью.
Лишь в редчайшие мгновенья

Шила думы темной нитью...

Осеню знаменьем крестным
Эту ткань – судьбу живую —
Пред Царем ее Небесным
Возложив, восторжествую.

10. Бедняк, простак

Бедняк, простак,
Простофилюшка,
За спиной мешок,
А голова – горшок.

Нелюбимого тебя,
Дурачинушку,
Любит Боженька
Да дороженька.

Бедняк, простак,
Простофилюшка,
За спиной мешок,
А голова – горшок.

Спросит Боженька тебя,
Дурачинушку:
«Хорошо, небось,
На земле жилось?»

Уж ты нас, бедняк,
Не наказывай,
Уж ты нас, простак,
Не закладывай,

Правду-матушку ему
Не выкладывай.
«Хорошо жилось», —
Так и сказывай.

11. Дерзаю

Дерзаю по краю обрыва,
Где пропастей зевы зияют.
Но очи свои без отрыва
В далекие свету вперяю.

Лишь дрогну – струна оборвется,
Но снова протянется, знаю.
Очей твоих свету как солнца
Все ближе и ярче сияют.

Я странник ночной, я убогий,
Я память земную теряю.
Я тлен, я, не верящий Богу —
Поверить посмертно желаю.

Мне взгляда немого довольно
Светлее светлейшего рая.
Взлетаю дыханием вольно
К тебе, в высоту умирая.

12. Косарь

Испей живое золото
Лучей восхода.
Ступай косить по холоду
По солнцеходу,

Косить косою солнечной
Цветы полыни.
Все порожденья полночи
Да сгинут ныне.

На скошенные полосы
Возляжет грива.
По солнечному волосу
Взойди от нивы.

Твой след, в траве светлеющий,
Покроют росы,
Где от полыни млеющей
Горчее россыпь.

13. Венера

Воздух, пронизанный
Тонкими стеблями
Лилий неявленных,
Воздух, колеблемый,
Стелется плавно,
Стелется ризою
Пóд ноги, пóд стопы, —
Мать благая
Двигается издали
Горними сходами,
Кáменья россыпью
Роз низвергая.
Легкою поступью
С высей нисходит.
Медлит на подступах
К зéркальным водам.
Полунагая.
Пенорожденная.
В чистом сиянии
Долу явленная.
В неге купания
Мать-Киферея.
В золоте вечера
Явленно зримая,
Долу не вечному
Дарит любимого
Сына Энея.

14. Энеева песня

Ты ли в небе
Взошла, негасимая,
Ты ли в небе
Сияешь, всетихая?
Ты ли близко,
Едва уловимая,
Ты ли близко
Ко мне, светлолика?
Углубляйся
Прозрачной криницею,
Принимайся
Побегами светлыми.
Проливайся
Мне в сердце живицею,
Наклоняйся
Небесною ветвию.
Не мое ли
В груди, светлотканное,
Не твоей ли
Рукой было соткано?
Первородной
Небесною раною,
Не мое ли
Рождение кроткое?
Возрождайся
Во мне, нисходящая,
Возрождайся
Всею мукой рождения.
Пробуждайся
Душою всезрящею,
Пробуждайся
Высоким стремлением.
Первой дрожью
Живого наития.
Первой болью
Земного познания.
Первой жертвой
И жатвой соития
Лжи и яви,
Любви и стяжания.
Пробуждайся
Простором немереным
Над седьмою
Сияющей кручею.
Красотою

Благого намеренья,
Замираньем
Полета беззвучного.
В колыбели
Души опочившая,
В колыбели
Земле принесенная.
Жертва неба,
Огонь возродившая,
О, во мне ли
Огнем возрожденная.

15. Солнечный Бог

Спи, лучезарный солнечный Бог.
Вечер укутал твой дивный чертог.
Он выпрягает могучих коней
Из колесницы небесной твоей.
Очи тебе омывает роса.
Дрема готовит ко сну небеса.
Летние травы целуют ступни.
Спи, лучезарный Владыка, усни.
Песню я слышу, да слов не поймешь:
Это на воле поет тебе рожь.
Волны колосьев рождают поля.
Гимны тебе воспевают земля.
Славен ты, Царь, меж великих Царей!
Самого доброго в мире добрей.
Блещет отвагой твой солнечный взор.
Мантией ты озаряешь простор.
Тянется к сильным ладоням твоим
Колос, налитый зерном молодым.
Благослови и стократно умножь
Травы земли, по которым пойдешь.
Летней дубравы живая листва
Шепчет молитвы священной слова.
Пусть же достигнут они твоих ног,
О, лучезарный солнечный Бог.
Светится мантии край золотой.
Небо украшено первой звездой.
Спи озаренный, Владыка Владык —
Утром я встречу твой ласковый лик.

16. Храни, душа моя

Храни, душа моя,
Сиянье лилии,
Глаза рептилии,
Хвосты и крылья.
Храни, душа моя,
Все трепыхания,
Благоухания
И колыхания.

Храни во хра́мине
Все звуки древние,
Слова напевные
И речи гневные.
Храни во хра́мине
Все лица прежние,
Сердца мятежные
И безнадежные.

Ночной молитвою
Не пой о старости,
Но легким парусом
Святи все ярусы.
Ночной молитвою

Дари прощение
Всем воплощениям
И превращениям.

Свечей горящею
Твое дыхание,
Твое признание,
Воспоминание,
Доселе спящее —
По ветру, плавное,
Взлетает пламенем
К небесной храмине.

17. Николаю Чудотворцу

Над рекой-реченькой
Небо раскрылося.
С неба тропиночка
Вниз опустилася.

Града небесного
Враты раздвинулись.
Птица чудесная
На Землю ринулась.

Сокол-соколик,
Ты лети – возвести
О Святом Николе.

Приди, приди,
С неба сойди.
На нашу долю
Да на нас погляди.

Да от бед огради.

18. Блаженной Матери Матроне

Ты протягиваешь руки,
Ты, дарящая тепло.
Мне, с тобой в земной разлуке,
И в борьбе с собой, и в муке,
Пылкой верю светло.

Здесь твой воин возмужалый.
До земли те бью поклон.
Пред тобой я отрок малый.
В час молитвы пламень алый
Мне теперь в душе явлён.

Уходя на поле брани,
Буду верен, тверд и строг.
Ни стрела меня не ранит.
И душа моя воспрянет,
Запоет в священный рог.

Под небесным рос я сводом,
На земле мужал святой.
И теперь стою с народом —
Колос в поле многогородном —
В землю врос своей пятой.

Труден бой родного края.
И под радужной дугой
Воинов с поля собирая,
Отведи меня до рая
С поля ратного в покой.

Две ладони – свет над миром —
Душам праведным ладья.
Наклонись, подуи эфиром.
За тобой – небесным клиром
Дети, славящие тя!

19. Вечер, медитация

Солнце за листвою сада,
Ты глядишь сквозь зелень вишен —
Темных листьев перепонки.
Под покровом сада дышит
Предвечерняя прохлада.
И, встречаясь с теплотою,
Порождает ветер тонкий,
Что листву едва колышет
Осторожною волною
Над моею головою.
Я стою, вечерним светом,
Словно ризою, одетый.

Просветляющее море,
Ты утишь мое волненье
Шумом лиственных касаний.
Вижу в ласковом движенье,
Молодых ветвей узоре
Душу трепетной дриады.
Утомленными глазами
Пью неяркое свеченье
Вечереющего сада.
Нежным трепетом объятый,
Красотой твоей смущенный,
Замолкаю, покоренный.

20. Разговор с ангелом-хранителем

Столкнуться?..

Когда еще...
Дороги сомкнутся?..
Присниться друг другу,
Проснуться.
Очнуться.
Но знаю, не знающий,
Верю, не верящий,
В небо я должен
К исходу вернуться.

Взгляд окрыляющий.
Ангел, когда еще
Той тишиною
Наполнюсь до края?
Души сверяя
Меня выбирающий.
Вечность встречающий
Рядом со мною.
Той тишиною...

Той тишиною,
Незримый, неслышимый.
Там, за спиною
Воздух колышимый...
Пусть две души
Но молитвой одною
К вершине вершин...

К вершине вершин.

21. КНЯЗЬ И СОКОЛ

Мчи без устали,
Юный князь.
Горькой удали
Выпей власть.
 Возмужай, оперись,
 Подрасти-ка ввысь,
 Укрепись в седле
 Да за соколом – вслед.
Кличь не покриком
Окликай
Да не посвистом
Призывай.
 Во широкой степи,
 Княже незванный,
 Не лови, не зови
 Друга резвого.
Мчи до вечера
Наугад.
Твой нареченный
Друг и брат
 Прилетит не к юнцу,
 А не к отроку —
 Да к тебе, удалцу,
 Зрелу отроду.

22. Ой, вы, дальние дали...

Ой, вы, дальние дали,
Дальние дали,
Где стопы не ступали,
Трав не сминали.
Свет, ты, вольная птица,
Вольная птица,
Выдь, богиня Денница,
Заря – заряница.
На досветы – рассвете,
В зоревом свете,
Ходит ветерек – ветер,
Ветерек – ветер.
Носит душу живую,
Душу девичью,
Веет песню простую
Вольную птичью.
Ой, вы, дальние дали,
Дальние дали,
Где тревог не знавали,
Бед не видали.
Ой, ты, песенке внемли,
Заря – заряница:
Отпусти ты на землю
Душу девіцы...

23. Пророчество

Пророчество на утренней заре...
Огонь костров грядущего в искре...
Судьба моя, предсказанная небом:
Все стройно в сочетании нелепом
Событий, встреч, свиданий на Земле.

Пророчество на утренней заре,
Как росчерк неба на моем челе,
Невидимые метины рассвета...
Но говорю: «Знамение – не это»...
Не это, я другое жду во мгле.

Да, я хочу судьбу преодолеть.
Сойти с дороги, колею презреть.
Судьбы поймать личину многоликой.
В борьбе ли с ней неиствующей великой,
Отметины пророчества стереть...

Да, я хочу судьбу преодолеть.
В пути одним стремлением гореть.
Вершины гор достигнув, на мгновенье
Узреть зарю свободного рожденья.
Пророком став, в лучах зари прозреть –

И пред судьбой своей благоговеть.

Часть II Басни

1. Волк и Собака

Близ деревеньки Волк с Собакой повстречались.
И как тут одолеть друг друга ни пытались,
А все вничью.
Вот, наконец, уставши, побратались
И клятвой верности скрепили свой союз.
Счастливый Пес, обретши названного брата,
Хвостом виляя, говорил:
«Отныне к давешней вражде
нам нет возврата,
И я, мой брат, за все тебя простил.
Не попрекну минувшей ссорой.
Забудем навсегда и наши прежние раздоры!
Теперь признайся мне, любезный брат,
Жалеешь ты, что умыкал ягнят?»
Недобро шурясь и сверкая глазом,
Собаке Волк отвечивал не сразу:
«Любезный мой, да я ль в том виноват?
Хоть самого меня прескверно мучил голод,
Я лишь кормил волчат.
Ты, судя по всему, неопытен и молод.
И волчьей стаи не знаком тебе закон:
«Не любишь близких – так поди-ка вон,
Живи один, охоться в одиночку»,
А у меня, дружок, три дочки, два сыночка,
И есть они хотят.
А в стае нашей и еще десятка два волчат». «Но я такой любви,
признаться, брат, не понимаю.
На корм своим чужих детей не убиваю.
И в том на голод не грехи!
Под солнцем все равно достойны жить». «Да полно, мой родной,
и приходи к нам лучше в стаю!
Ты славный пес, тебе я лишь добра желаю!
Хозяин, без обиняков скажи,
Хотя и предан ты ему безмерно,
Порой тебя бивает от души
И распекает скверно?»
«То верно.
Но на него я не сержусь, ей-ей,

К своей родне ведь он бывает строже.
Тех, кто ему всего дороже,
Тиранит он сильней
И бьет больней.
Зато своих гостей как потчует великодушно!
И принимает столь радушно,
Как будто близких и родных людей!»
«И, зная это, ты хозяину всеверно служишь?
Помилуй, да за что его так ублажать?
Он не умеет близких уважать?
По-нашему, так ничего нет хуже!
Ну а гостей, должён тебе сказать,
Не брезгуем мы жрать!»
Тут стайный вой прервал их мирную беседу:
Пса разорвали волки, шедшие по следу.

Иной в семье живет, как будто в волчьей стае:
В любви к родным других охотно угнетает.
Иной своих тиранить не почтет за грех,
Зато как прочих ублажает.
А тот, кто в равной мере любит всех —
Всех больше виноват бывает!

2. Рак и Цапля

По мелководью Цапля важная ходила.
Рыбешку мелкую удила,
Затем ее глотала целиком.
По счастью, Рыба к ней плыла гуртом,
Врага проворного не замечая
И скорой гибели своей не чая.
Глядя на этот страшный пир, Отшельник Рак,
Надежно в раковине укрываясь
И незаметным оставаясь,
Пока других приканчивает враг.
Помочь Рыбешке той хоть чем-либо пытаюсь,
Ее увещевал он так:
«Ах, Рыбки-кумушки, куда вы всё глядите?
На глубину скорей плывите!
Ведь вас едят живьем!
В неведение своем вы прямиком
К проворной Цапле угодите!
Вот кабы на коварную управу нам найти!
Врага прожорливого извести!
Не худо б было,
Что бы акула ноги Цапле откусила!..»
И много бы еще наш Рак наговорил,
Но тут отлив все дно на мелководье оголил.
Оратор в аккурат пред Цаплей очутился
И в воздух в клюве поднят был.
Но через миг – обратно опустился.
Ракушку твердую не может Цапля проглотить:
«Да много ль чести с ним одним возиться?
С обедом можно бы и погодить.
Попробуем-ка мы договориться»:
«Слыхала я, грозятся Рыбы
мне расправу учинить.
И, согласитесь Вы, постыдно было б допустить,
Что бы рыбешки Цаплю обижали!
Меня, властительницу, унижали!
Ах, если Вы поможете мне усмирить
Всех ропщущих и недовольных,
Тогда вовек Вам будет жить привольно.
Без страха сможете Вы здесь по дну ходить,
Что в голову взбредет, открыто говорить,
Меня порочить и хулить.
И несомненно славу этим заслужить!
Ну не молчите – соглашайтесь,
Пока по-доброму прошу.
Я словом данным дорожу.

Не обману Вас, не пугайтесь».
«Изволь, согласен я», – промямлил Рак
И вон засеменял в овраг.
Вода скорехонько обратно приливала.
И Рыбка нашего оратора встречала:
Ах, милый Рак, и цел, и невредим.
И, верно, он непобедим!
А коль бесстрашно Цаплю гнусную ругает,
То с нами, рыбами, конечно, честен он
И подлости не знает.
Вот наш кумир, кто даст врагам разгон
И кто от Цапли наконец-то нас избавит!
В цари его! Да Бог его направит!
И пустомеля знай себе кричит,
Что Цапля – негодяй, отъявленный бандит,
Что Цаплю вон, что сам он Цапле ноги откусает,
Что лозунгами Цаплю победит...
А та Рыбешку знай себе таскает и таскает,
И пожирнее жертву выбирает.

И долго Рак в воде клешнями потрясал
И Рыбу честную своим бесстрашьем удивлял.
Но потихоньку стал обман всем открываться:
Велеречивый Рак
не собирался с Цаплей драться.
Взывают те к нему: «Любезный Рак,
С согласия Вашего мы Окунька царем назначим,
Он побойчей, поговорит он с Цаплею иначе,
Зажмет ее «в кулак»!»
Как бы ни так!
Наш Рак упорствует, что он освободитель,
Борец и праведный воитель!
Что много лет ведет он с Цаплей бой,
Что ожирела та, давно на ладан дышит...
Но Цапля, кажется, тех слов не слышит,
Да и сторонники, кто есть живой,
Оратора тихонько покидают
И собираются гурьбой
Там, где не только обещают,
Но выполняют.

Как часто слушаем мы праведных борцов,
Когда те, воздух сотрясая,
Ругают вбров и лжецов,
Ни капли им вреда не причиняя.
В свой лагерь недовольных собирают,
А сами с властью в брак вступают:
И поддаются, и на сговор с ней идут...
И много лет в одну дуду играют.

И песню всё знакомую поют.

3. Скотинка

Внедряясь запросто в чужой удел,
Как будто прочие того не видят,
Державы сильные творят там беспредел.
Но дерзость сильных мир весь ненавидит,
Что под их дудочку плясать не захотел.

Взглянём, как басня то противоречье освещает:

В оплошности беды не чая,
Хозяин как-то раз, из дома отлучаясь,
Входные двери не закрыл ключом.
И, пользуясь таким заманчивым случаем,
Козел, Свинья и Бык к нему пожаловали в дом —
Скотинка пришла
(добро б своя, но нет – чужая).
Уклад и быт его ничуть не уважая,
Дверь рогом подперев, вступает Бык.
И, как в родном хлеву привык,
Не церемонясь, он по комнате гуляет.
Сшибая мебель на своем пути,
Все без разбору топчет и ломает.
Хавронья, та в сенцах у закровов кутит:
Налопавшись, несъеденное портит рылом
И давит грузным тылом.
Козла дразнят и бесят образа.
На красный угол пялит он глаза.
Вот, наконец, встав на дыбки,
лампадку вниз роняет...
И за одно мгновенье дом воспламеняет.
Сбегаются соседи на пожар,
Хозяина все бранным словом поминают,
Свою скотинку вытащить спеша,
Окошки разбивают...
Какой погром!
Да, видно, был некрепкий дом!
Лишь пальцем тронь – готов был развалиться.
Чего же на скотинку злиться!
Она совсем тут ни при чем!..

Хозяин, воротясь, нашел родных обломков кучи.
Ну, а за то, что якобы скотинку мучил,
Попал под суд.
И на селе его преступником зовут!
Случается, что чужаки
налетом прочный дом ломают,

Да спрос с хозяина за то бывает.
Чужим грехом его охотно оболгут!

Так в наши дни державы сильные, ломая стены
Владений внешних, вред стремятся извинить.
Низложенным властям в вину вменить
Те разрушения.
Что якобы их причинить
Нудит необходимость перемены.
И свергнуть прежний строй давно пора.
Да то лишь искорки грядущего костра,
Что, вспыхнув,
и зачинщиков погубит непременно.

Ведь родственники хищные твои
Наш лес, богатый прежде, вовсе обглодали.
Дотоль беды подобной мы не знали.
Полегче стало нам в правленье Льва,
Но, по сравнению с твоим житьем, едва:
Мне иногда поесть немножко удастся,

Тебе, сосед мой, насытней живется,
Но уважать других тебе претит.
А чуть велют умерить аппетит,
Ты о правах кричишь, об униженье
И власть коришь с остервененьем».

«А ты, Русак, чай, рад воспеть Царя!
И, рвением заячьим горя,
За скудненький обед, за жалкие объедки,
Которые едят твои родные детки,
Готов терпеть и ложь, и воровство?!
Когда, признаться, восстает все существо,
Несправедливость власти видя,
Ее пороки ненавидя.
Безнравственно хвалить подобный строй!
Хоть постыдился бы, сосед любезный мой!»

«Да ведь объедки, хоть невкусны,
всё съедобны.

Но ты поёшь о власти, хищникам удобной,
И предлагаешь большинству
За счет твоей же сытости совсем зачухнуть.
Глядишь, и не успеешь ахнуть,
Как лисья правда, якобы презренье к воровству,
Разгулу страшному дорогу вновь проложат.
И хищный клан тогда вконец наш лес обгложет!

Не справедливости для всех, сосед, ты ищешь,
А власти и свободы для своих!
На интересы и житье других
Плевать тому, кто от природы хищен».

Когда, подобно лисьим рассуждениям,
Слышны слова о правде и правах,
И вор, с презреньем отзываясь о ворах,
Грешит и сам с не меньшим рвением —
Невольно думаешь о редкостном уменьше
Иных людей, не глядя на других,
Радеть об интересах лишь своих,
Не представляя, как живется населению,
Во все глаза глядящему на них.

Влюбленность пламенная, вешняя услада,
Сердцам живым великая награда.
Открой мне, чем душа твоя полна?»
И Лебедь отвечал неторопливо
Певцу дубрав:
 «Соловушка, беспечный и счастливый,
Любви не распознав,
Восторгами ты сердце наполняешь,
И каждую весну себе же изменяешь,
Подругой новую избранницу назвав.
Но можно жить иначе,
И, жажду вешнюю уняв,
Преобразить душевный склад и нрав,
Другое правило себе назначить:
Благуя верность выше увлечения признав».
 «Мой друг, тебе как разуму я внемлю.
Но твой совет едва ли для меня приемлем.
И жизнь моя теряет смысл
Без новой песни, что рождается в волненье,
В сердечном изволенье,
Как в размышленье – мысль.
Что я без пения? что я без вешней трели?
Что без восторженной мечты?
Ведь от того спокоен и безмолвен ты,
Качаясь, словно в колыбели,
Плывешь по жизни, как по медленной реке,
И скроешься неспешно вдалеке,
Что не горит в тебе безумное желанье».
 «Да, Соловей, и мой удел – молчанье.
Но искренность, как белизна,
Без пения избраннице моей видна.
И дух безмолвен мой, и чист, и верен.
И сердцем Лебедь предан лишь одной
Лебедушке родной,
И сам в ответной верности ее уверен.
Хоть я не знаю песен
 обольстительных и нежных,
Признаний Соловьиных ненадежных,
Но слышу струны радости иной.
И нахожу в любви к единственной утешность».

Подслушав птичий диалог,
Невольно на себя его мы переносим.
Ведь Лебеда и Соловья всегда в себе мы носим:
Один поет, другой немногословен, строг.
И Соловей порой над Лебедем довлеет:
Коль сердце нежную мечту лелеет,
Тогда и в разуме мы не желаем видеть прок.

Как часто Соловью мы больше верим.
По Соловьиным меркам Лебеда мы мерим.
И только, подводя прожитому итог,
Певца забыв, о белом Лебеде вдруг вспоминаем:
Не в глухоте себя, его в молчанье обвиняем.

Но если жить не песнею одной,
То мудрость нам является простая,
В гармонии любовь и разум сочетая,
Как два крыла у птицы за спиной.

6. Рододендрон

Прекрасен сад, где с разных уголков страны
Культуры собраны и, в радужном цветенье,
Ростков и веточек чудном переплетенье,
Стремленьем общим объединены:
На благо сада в нем расти и развиваться.
На почве дружбы и согласия укрепляться.
С терпимостью друг друга принимать.
И попусту границы сада не сужать,
Когда высокомерное презренье
То ли, иное ли явит растенье
К соседу своему.
Враждебность к виду одному
Губит другие виды несомненно.
И так весь сад разрушить может постепенно,
Не сделав блага никому.
Цветущий сад зеленою стеной,
Нагретой южной стороной,
С песчаной местностью граничил.
Там, многовековой храня обычай,
У изгороди, легкой и резной,
Рододендрон Кавказский разрастался —
На склоне почву укреплял

И зыбкому песку дорогу преграждал.
Для бурь непроницаемым казался.
Да все лишь потому,
Что весь уход, положенный, ему
По праву доставался.
Хозяин сада искренне старался:
Растения в порядке содержал,
Рододендрон с усердьем поливал.
Другим росткам не позволял нарушить
Узор его зеленых кружев,
Красу на солнце млеющих цветов.
Порой к ним первым наш Садовник направлялся
И прежде всех других ростков
За тот кустарник прихотливый принимался.
Ему все силы щедро отдавал.
Но тем Садовник прочие растенья возмущал.
Погожим днем в тиши разросшегося сада
Поднялся шум все нарастающей волной:
«Вот нам за снисходительность награда, —
Шуршали Розы темною листвою,
Прекрасный цвет высокомерно возвышая
И сад благоуханьем наполняя, —

И чем хорош кустарник тот простой?
И чем садовника прельщает?
Что лучшее он время посвящает
Не нам, красавицам, а простеньким цветам!
И прихотливым, и неярким,
Растущим там, где климат жаркий,
И требующим влагу без конца.
Как будто бы нарочно!»

«Вы правы, – вторили Фиалки осторожно, —
Влаголюбив Рододендрон.
Садовника так донимает он
Своею жаждой непрестанной.
Ах, как бы нам освободить
Наш сад от тех кустов незваных?
Соседей наглых, нежеланных
От нас подальше водворить!»

«Ну и разросся этот приживал, —
Плодовые деревья всё ворчали
И недовольно ветвями качали, —
Глядите-ка, густым и пышным стал!»
И так растения шуметь не прекращали.
Единодушно все к Садовнику зывали,
Чтоб тот лишил бессовестный Рододендрон
Привычного ухода и вниманья,
Чтоб на самостоятельное выживание
Кустарник прихотливый бросил он.
Сперва Хозяин с садом пререкался.
Но с мыслью день за днем свыкался,
Что саду не нужны постылые кусты.
И вот, когда жара невыносимая настала
И недостаток поливной воды
Садовника смутил немало,

Не стал он меру и порядок соблюдать:
Взамен того, что бы культуре каждой
Раздать остатки влаги соразмерно с жаждой,
Решил совсем любимца прежнего не поливать.
Ему назначенную часть другим отдать...
Сад изнывал на солнцепеке.
Рододендрон, оставленный жестоко,
Безвременно желтел и увядал.
В прорехи меж кустов его опавших,
Проход ветрам горячим давших,
Песок тихонько проникал.
И, наконец, пустыня, силу набирая,
Живую изгородь одолевая,
Рододендрон слабеющий превозмогла.
Да, налетев, затем весь сад сожгла.
В песке нагретом потопила...

Рододендрон постылый
Защитой саду издавна служил
И от песка границы сторожил.
Едва лишь потерял он силы —
И сад главу перед пустыней преклонил.
Страну великую, что сад цветущий,
Многообразие культур хранит.
И сочетанием, лишь ей присущим,
От многих бедствий защитит.
Но стоит лишь вражде ревнивой

И нетерпимости себялюбивой
Проникнуть внутрь ее границ —
Страна, как сад, склонится ниц
Перед любой угрозой внешней.
И отчуждением поспешным
Горячей точки с южной стороны
Проход откроет для губительной волны
Садовник тот небрежный,
Что у враждебности на поводу пойдет.
Иль, учредив порядок ненадежный,
Без соблюдения меры сад поллет.
Да стороною обойдет
Границы сада вихрь пустынный!
Живи в согласье, наш большой народ, —
И многоликий, и единый.

7. На перепутье

Без отдыха никак нельзя Царю.
И солнце ясное в вечернюю зарю
Ко сну глубокому клонится.
И бурный ток порой стремится,
Замедлив бег, неторопливой стать рекой.
Что говорить и о правителях звериных,
Стареющих на десять лет за год единый,
Давно забывших про покой.
И если Царь и отлучится на денек другой,
Так заместитель ревностный ему найдется
И делом государственным займется.

Однажды Волк был заместителем Царя назначен.
Лишь только в отпуск отбыл Царь зверей,
Над подданными был надзор его утрачен.
И к руководству Волк наш приступил смелей.
Он, с одобренья волчьей стаи,
Чтоб соблюсти в лесу порядок и покой,
Немедленно издал указ такой:
«В пределах нашего лесного края
Отныне запрещается зверям шуметь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.